

Политика памяти и идентичности в Европейском союзе: сопряженные понятия, рассогласованные практики

Фадеева Любовь Александровна, ПГНИУ, Пермь, Россия

Контактный адрес: afadeeva2007@yandex.ru

АННОТАЦИЯ

Автор предлагает характеристику политики памяти и политики идентичности как аналитических категорий, формируемых в высококонкурентном поле смыслов и интерпретаций. В качестве методологического подхода используется социальный конструктивизм, представляющий мейнстрим в исследовании политики памяти и идентичности. Однако автор считает необходимым учесть социокультурную рамку действий различных акторов, влияющих на конструирование памяти и идентичности. Кроме того, методологически новаторским является предложенный И.С. Семененко подход к определению и анализу политики идентичности, который автор поддерживает и применяет к объекту своего исследования. В статье предложено использовать понятие секьюритизации применительно не только к политике памяти, но и к политике идентичности, проводимой Европейским союзом. Конструирование европейской идентичности на базе политики памяти сопряжено с множеством проблем как наднационального, так и национального уровня. В статье речь идет прежде всего о наднациональном измерении политического курса, однако во внимание принимаются и национальные дискурсы политики памяти и идентичности. В этом контексте сами понятия, обладающие категориальной сопряженностью, оказываются связаны с курсами, отличающимися значительной рассогласованностью. Казавшиеся незыблемыми основания политики памяти, сформированные после Второй мировой войны, подвергаются оспариванию со стороны новых стран-членов Европейского союза, что формирует иные практики памяти и забывания. В результате диалоговая память, включающая возможность разных интерпретаций и согласования дискурсов, как основание европейской идентичности уступает место секьюритизации политики памяти и политики идентичности, что предполагает их инструментальное применение для легитимации конкретных политических курсов.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА

политика памяти, коллективная память, европейская идентичность, диалоговая память, секьюритизация политики памяти

Сопряженность памяти и идентичности

Память, идентичность, культура тесно переплетены, а в последнее время все чаще политизированы¹. Исследовательское направление – *memory studies* – характеризуется, например, в описании одноименного журнала как исследование такого феномена: «социальные, культурные, когнитивные, политические и технологические сдвиги, влияющие на то, как, что и почему отдельные люди, группы и общества помнят и забывают»². Вместе с тем это научное поле вызывает множество дискуссий по причине его сложности и постоянного расширения объектов исследования – от фокуса на национальной памяти и идентичности до социальных общностей разного типа³. Не будет преувеличением сказать, что создание и развитие Европейского союза сформировало один из важных объектов такого рода.

Исследования коллективной памяти и политики по ее выстраиванию посвящены как отдельным европейским странам, так и памяти Европы в целом⁴. Политика памяти включает в себя государственный и негосударственный (осуществляемый негосударственными акторами) курс по выстраиванию исторической памяти, общих представлений членов политического сообщества о своем прошлом⁵. Одна из важнейших целей такой политики – формирование и поддержание ориентиров коллективной идентичности⁶. Для этого требуется обретение некоего консенсуса по поводу взглядов на собственное прошлое. Для Европы, которую на протяжении веков раздирали конфликты и войны, такой консенсус – дело особенно сложное⁷. В данной статье характеризуется сопряженность политики памяти и идентичности как аналитических категорий и политических курсов, проводимых в Европейском союзе, и определяется характер их согласованности. В методологических подходах к анализу политики памяти и идентичности доминирует социальный конструктивизм, предполагающий влияние социальных и политических акторов на формирование и изменение конструктов памяти и идентичности, которые могут быть использованы в инструментальных целях. Важно учитывать, что акторы действуют в определенных социокультурных и политико-институциональных рамках. В связи с этим столь значима роль культурного контекста в целом и культурной политики в частности.

Представляется не утратившей значения точка зрения, которую высказала английский историк М. Маколи более 10 лет назад: рассуждая о влиянии исторической памяти на европейцев, она отметила, что каждая значительная дата в европейской истории может иметь различное значение и различные интерпретации для наций и государств и что переписывание истории происходит постоянно, поскольку история часто служит политическим целям. Она сфокусировала внимание на том, насколько важно для общества сограждан формирование

1 Erll et al. 2008; Историческая политика 2012.

2 "Journal Description: Memory Studies," SAGE Journals, accessed May 5, 2022, <https://journals.sagepub.com/description/mss>.

3 Васильев 2012.

4 Ассман 2018; Bernhard, Kubik 2014; Malinova 2021.

5 Идентичность 2017, 666.

6 Cerutti, Rudolph 2001; Spohn, Eder 2005.

7 Giesen 2004; Müller 2004; Mälksoo 2009.

среды, «в которой допускаются сомнения и конкурирующие интерпретации»¹. Идеи диалога в политике памяти, диалоговой политики памяти выдвигают и другие исследователи. Так, И.С. Семененко предлагает рассматривать «воспроизводство исторической памяти европейцев как носителей общих ориентиров идентичности», которое оптимально осуществлять в форме диалоговой памяти².

Особая роль в политике памяти неслучайно отводится войнам (и не только мировым) как драматическим событиям, травмирующим все, в том числе и память. Нередко посвященные этим событиям публикации и фильмы (научные / художественные / документальные) имеют в названиях определения «неизвестная», «забытая», «утраченная», что подчеркивает различия в подаче материала и интерпретации событий. Первую мировую войну в Британии и Франции предпочитают называть Великой, в отличие от Германии и ряда других стран. В СССР ее характеризовали как империалистическую, а современные исследователи называют «утраченной» (И.И. Глебова). В Венгрии до сих пор «Трианон» – символ потерь, которые венгры считают самыми крупными и болезненными из кем-либо когда-либо пережитых в мировой истории. «Трианон», как и «Версаль», символизирует противоречивость результатов войны и памяти как коллективного феномена³.

Во всех документах Европейского союза декларируется важность памяти о Второй мировой войне как всечеловеческой трагедии, уроки которой необходимо усвоить, чтобы никогда ее не повторить. Выстраивание соответствующего исторического нарратива происходило на протяжении длительного времени и в значительной мере совпадало с усилиями по формированию (конструированию) европейской идентичности. С целью усиления европейской составляющей в идентичности граждан государств – членов ЕС в Европе предпринят комплекс разнонаправленных мер, институциональных и символических. Институциональные рамки задали учредительные договоры и акты Европейского союза, программные документы, реализующие мероприятия в рамках направлений совместной политики государств – членов ЕС, однако их потребовалось усилить с помощью культурной политики.

Актуализация политики идентичности в Европейском союзе

Лидеры ЕС неоднократно указывали на тесную связь европейской культуры и европейской идентичности. Многократно процитированы известные фразы флагманов европейской интеграции Ж. Монне – «Если бы было надо начинать [европейскую интеграцию – Л.Ф.], я бы начал с культуры» – и Ж. Делора – «Поднимая вопрос о культурном измерении Европы, вы одновременно поднимаете вопрос о европейской идентичности или идентичностях»⁴. Впрочем, от таких деклараций до имплементации провозглашаемых ценностей и идей обычно путь небыстрый и нелегкий. Активизация политики утверждения и укрепления европейской идентичности, актуализация политики памяти и масштабная поддержка

1 Маколи 2011, 147.

2 Семененко 2018.

3 Фадеева, Плотников 2019, 214.

4 Fadeeva 2022, 313.

соответствующей культурной политики пришлось на новый подъем интеграционного процесса (1985–2004).

Разговор о выстраивании европейской идентичности как политического курса обычно начинают с того, что в декабре 1973 г. девять министров иностранных дел стран – членов Европейских сообществ подписали Декларацию европейской идентичности¹. В этой декларации утверждается, что, несмотря на вражду и конфликты в прошлом, сегодня европейские страны имеют общие цели и интересы, именно поэтому они смогли объединиться в единую организацию, фундаментальными принципами которой являются демократия, закон и права человека. 26 июня 1984 г. на саммите в Фонтенбло был предложен ряд мер, чтобы усилить европейскую идентичность. Эти меры носили как инструментальный, так и символический характер. Они включали взаимное признание дипломов о высшем и профессиональном образовании (1985); установление соответствия профессиональных стандартов в европейских государствах, участвующих в интеграции, в ряде профессий и сфер²; введение единого европейского паспорта; принятие в 1986 г. единых символов Европейских сообществ – флага и гимна. Значительные усилия были направлены на развитие единого образовательного пространства. С 2001 г. 26 сентября ежегодно отмечается Европейский день языка. Специально ориентирована на развитие европейской идентичности программа «Европа для граждан» (*Europe for citizens*). Исследователи, публицисты, активисты включились в дискуссию о европейской идентичности как многоплановом и многоуровневом феномене. Споры обострились в процессе обсуждения Конституции ЕС и прошедших по этому поводу референдумов³. И дискуссия, и итоги референдумов показали, что предлагаемый Брюсселем вариант политики был оценен европейской общественностью неоднозначно, вызвав упреки в том, что он может угрожать национальной идентичности и национальной культуре.

Это объясняет то обстоятельство, что после Маастрихта дополнительную институциональную и финансовую поддержку получила в ЕС именно культурная политика⁴. Культурная манифестация европейской идентичности оказалась полезной в продвижении политики идентичности как широкого общественного проекта. Смещение акцента с политических на культурные компоненты курса по формированию европейской идентичности дало положительный результат, и большинство европейцев связывают политику идентичности ЕС с новой культурной политикой. Социокультурные основания европейской идентичности важны в связи с тем, что, по опросам общественного мнения, культура и культурные факторы занимают приоритетное место в системе ценностей европейцев. 80% граждан ЕС считают необходимым культурное сотрудничество в Европе при

1 Декларация европейской идентичности, обнародованная девятью министрами иностранных дел 14 декабря 1973 в Копенгагене // CVCE [Электронный ресурс]. URL: https://www.cvce.eu/content/publication/1999/1/1/02798dc9-9c69-4b7d-b2c9-f03a8db7da32/publishable_en.pdf (дата обращения: 18.05.2022).

2 Обердорфф 2001, 21.

3 Alain Badiou, "The European Constitution," Lacan, May 18, 2005, accessed June 29, 2022 <https://www.lacan.com/badeu.htm>; Zygmunt Bauman, "Quo vadis, Europa?," OpenDemocracy, June 2, 2014, accessed June 27, 2022, <https://www.opendemocracy.net/en/can-europe-make-it/quo-vadis-europe/>.

4 Stoicheva 2016.

сохранении наследия национальной культуры¹. Многие исследователи полагают, что усилия по укреплению социокультурных оснований идентичности способствовали «распространению европейской идентичности не только на уровне элит, но и на уровне обычных граждан»².

Европейский взгляд на политику идентичности как *politics of belonging*

Исследователи из стран ЕС стремятся отделить курс на выстраивание европейской идентичности от пришедшего из США научного и публичного дискурса, нацеленного на интерпретацию политики идентичности как защиты маргинализированных / девиантных групп (что не означает отказа от такого понимания).

Поиски новых научных категорий направлены на обозначение европейской идентичности на основе общей памяти, системы ценностей и культурного наследия. Одной из таких категорий является понятие *politics of belonging*, которое должно помочь преодолеть «диссонанс» исторического наследия, политики памяти в разных странах и тем самым способствовать реальной интеграции.

«Наследие и память как тесно связанные понятия имеют большое значение для нашего мира и европейского общества сегодня. Современная Европа стоит перед лицом политических, экономических, социальных и гуманитарных вызовов, влияющих на то, как люди справляются со своим прошлым и как они строят свою идентичность», – отмечают авторы коллективной монографии о политике памяти и сохранении исторического наследия³. Они используют как ключевое понятие «диссонанс наследия», полагая, что этот концепт «позволяет понять, как используется прошлое в современных ситуациях, несмотря на то что диссонанс понимается как некомфортное чувство дисгармонии, неловкости и конфликта»⁴. В соответствии с разъяснением авторов, политика принадлежности больше относится к желанию человека принадлежать к какому-то сообществу, что отличает ее от политики идентичности как социального конструкта. И в то же время, по их мнению, и та, и другая политики являются важной частью более общей интеграционной политики ЕС. Этим их подход отличается от того понимания принадлежности и политики принадлежности, которое предложила Н. Юваль-Дэвис, включая эти понятия в контекст глобализации, неолиберализма и выбирая в качестве измерений свойственные для классической интерпретации политики идентичности гендерные и расовые проблемы⁵.

Рассматривая как наследие и материальные, и нематериальные памятники, авторы особенно высоко оценивают открытие в 2017 г. в Брюсселе Дома европейской истории, который должен был воплотить общие основания истории Европы и предложить дискурс интерпретаций европейского прошлого. Однако сразу после открытия развернулась дискуссия по поводу политизированности

1 "European Year of Cultural Heritage 2018: why it is important," News European Parliament, January 11, 2018, accessed June 27, 2022, <https://www.europarl.europa.eu/news/en/headlines/eu-affairs/20180109STO91388/european-year-of-cultural-heritage-2018-why-it-is-important>.

2 Котта 2017, 190.

3 Lähdesmäki et al. 2019, 1.

4 Ibid., 13.

5 Yuval-Davis 2011.

экспозиции музея – это не музей истории, а музей пропаганды, поскольку в нем представлена одна, одобренная официально Европейскими институтами, интерпретация истории.

Свое понимание политики идентичности, предложенное в книге о диссонансе европейского наследия, развили финские авторы в монографии о культурных проектах в ЕС, которые помогают обрести чувство принадлежности и обеспечить эффективность политики принадлежности¹. Эта книга – хороший пример исследования диалоговой памяти, корректного выстраивания европейской идентичности. Итак, введение новых терминов не есть выработка единого подхода, а только создание еще более сложного инструментария анализа.

Смыслообразующие конструкты политики памяти о Второй мировой войне

Один из самых болезненных и важных аспектов европейской политики памяти связан с проблемой коллективной ответственности немцев за преступления гитлеровской диктатуры. Преодоление, искупление, покаяние, культурная травма – именно в таких категориях шло обсуждение этой темы². В результате усилий публичных интеллектуалов – историков, философов, политиков, представителей различных групп немецкого общества – были выработаны историческая политика, государственная политика в области образования, процедуры и технологии коммеморации (публичных актов «вспоминания»)³. В 2005 г. в самом центре Берлина был воздвигнут центральный немецкий Мемориал жертвам Холокоста в память о евреях, убитых в Европе. В восточных землях пост-объединенной Германии места памяти были реконструированы в соответствии с западными представлениями и стандартами. Были снесены многочисленные памятники социалистического прошлого, закрыты марксистско-ленинские институты и переименованы улицы. Правда, как отмечает Ю. Шеррер, «ландшафт немецкой памяти дает порой трещины»⁴, но все же государственная политика памяти позволила ФРГ занять свое место в европейском сообществе. Холокост был центральной темой и в ней, и в образовательной политике ФРГ⁵.

На основе опыта ФРГ была сформирована общеевропейская политика памяти о Второй мировой войне с признанием Холокоста символом общей ответственности, с институционализацией памяти о Холокосте посредством создания и развития музеев и мемориальных комплексов, в которых представлен широкий круг документальных свидетельств и средств эмоционального воздействия. В 1990-е гг. была создана рабочая группа по международному сотрудничеству в области преподавания, изучения и по увековечению памяти о Холокосте. 27 января 2005 г. Генеральная Ассамблея ООН объявила Между-

1 Lähdesmäki et al. 2021.

2 Борозняк 1999.

3 Борозняк 2014; Шеррер 2009.

4 Ibid.

5 Однажды в общении с молодыми немецкими коллегами в Берлине я выяснила, что они не знают ни Фридриха Великого, ни Гогенцоллернов. Они раздраженно реагировали на мое недоумение: «Нас этому не учили. Нас учили только Холокосту». Я сочла возможным воспроизвести данный эпизод во время одной из публичных дискуссий по исторической политике, организованной немецким журналом "Osteuropa", и хотя никто не сделал мне замечания, из текста моей публикации в сборнике по итогам дискуссии соответствующий фрагмент оказался вычеркнутым.

народным днем Холокоста, который должен отмечаться ежегодно. Как подчеркивает Д.В. Ефременко, ключевой темой политики памяти стала именно коллективная память о Холокосте, а «основной задачей – проработка трагического опыта Второй мировой войны и преступлений нацизма. На основе осознания коллективной вины и ответственности европейских народов (включая и население оккупированных нацистами территорий) за трагедию Холокоста становилось возможным формирование консолидирующего исторического нарратива. Тем самым Холокост должен был стать нитью, связывающей общеевропейский исторический нарратив XX в. в одно целое»¹. «Старая Европа» полагала, что такое единство позиций сохранится и при масштабном расширении ЕС в 2004 г.²

Начиная с 1990-х гг. в ЕС предпринимались усилия к тому, чтобы прописать общеевропейскую историю не только как реализацию Европейской идеи, но и как общее пространство памяти. Возникшие проблемы в такого рода исторической политике объясняются рядом обстоятельств. Если «старые» члены ЕС высказывали опасения за свою национальную историю и идентичность, которая может быть поглощена наднациональной общеевропейской, то еще больше разногласий выявилось в прочтении, интерпретации, историческом нарративе между странами «старой» и «новой» Европы.

Иные алгоритмы политики памяти: опыт *East Central Europe*

Алгоритмы политики памяти выстраивались в странах *East Central Europe* (их граждане не любят называться восточноевропейскими, поскольку Восточная Европа ассоциируется в их общественном сознании с проигравшими в холодной войне³) совершенно иначе. В балтийских странах и Польше доминирующим вектором стало выстраивание негативной политической идентичности на основе противостояния Другому в лице России. Утверждение собственного суверенитета происходило здесь на основе размежевания с Россией, образ которой целенаправленно связывался и продолжает связываться с наследием СССР и наделяется сугубо негативными коннотациями. Осью их политики памяти стал виктимизм – представление своих стран как жертв двух тоталитарных диктатур (острый на язык американский журналист Ф. Тэйпун определяет такую модель памяти как «нацистско-советский сэндвич»)⁴.

К. Эдер называет Европу лабораторией нарратива⁵. Он, разумеется, прав, только общеевропейский нарратив существенно меняется под влиянием новых стран – членов ЕС. «В странах Восточной Европы этот нарратив [культурной травмы – Л.Ф.] стал доминирующим на рубежах нового тысячелетия, – констатирует И.С. Семененко. – Память оказывается ареной ожесточенной “борьбы за

1 Политика памяти 2020.

2 Касьянов, Г. Единый учебник истории ЕС и своя правда Восточной Европы // Московский центр Карнеги. 12 апреля 2018. [Электронный ресурс]. URL: <https://carnegie.ru/commentary/75960> (дата обращения: 20.12.2021).

3 Taroni 2012.

4 Ibid.

5 Eder, Carlson 2020.

идентичность”, а практики коммеморации (увековечивания памяти) – ключевым инструментом государственной политики идентичности»¹.

В случае «скрытой Европы» (по Ф. Тэйпону) политика памяти и выстраиваемая на ее основе политика идентичности имели несколько целей, но одно направление. Прежде всего необходимо было изменить исторический нарратив: как предельно четко сформулировала М. Мальксоо при анализе документального фильма *“Soviet Story”*, созданного на средства группы депутатов Европейского парламента, надо разрушить нарратив, будто «добрые союзники побили злых нацистов»².

Польша после вступления в 2004 г. в Евросоюз явилась инициатором обсуждения вопроса о том, что страны Восточной Европы стали жертвами двух тоталитарных режимов: нацистского и советского. Результатом стала резолюция ПАСЕ «Необходимость международного осуждения преступлений тоталитарных коммунистических режимов», принятая 25 января 2006 г. «Политические и культурные элиты бывшей Восточной Европы теперь не просто объясняли, они требовали признания своих стран жертвой коммунизма, фактически претендуя на особый статус. Более того, они в некотором смысле противопоставляли себя бывшей “Старой Европе”: она ведь пострадала только от нацизма, а мы – двойная жертва: и нацизма, и коммунизма», – так объяснял ситуацию украинский историк Г. Касьянов.³

Это нашло отражение в символической политике Польши и балтийских стран, где были введены новые праздники и памятные даты, чтобы напомнить об этих жертвах. Начиная с 2011 г. в Польше 1 марта отмечается «день проклятых солдат» – участников антикоммунистической борьбы и борьбы против нацистов как в период Второй мировой, так и во времена существования «социалистической» Польши. День приурочен к вынесению смертного приговора 1 марта 1951 г. семи участникам подпольной антикоммунистической организации «Свобода и независимость»⁴. В Латвии 8 мая отмечается «День победы над нацизмом и день памяти жертв Второй мировой войны»⁵, 25 марта официальная Рига отмечает как «День памяти жертв коммунистического геноцида»⁶. Введены наказания за «приписывание» политики Холокоста лидерам и населению этих стран. В них созданы музеи, где рассказывается о жестокостях не столько фашистского, сколько советского режима – Музей Террора в Венгрии, Музей оккупации Латвии, Музей жертв геноцида (КГБ) в Эстонии, Мемориал жертв коммунизма и сопротивления в Румынии. «Институты национальной памяти» (Комиссия по расследованию преступлений против польского народа, Институт по расследованию коммунистических преступлений в Румынии и т.п.), специальные исторические общества и ассоциации, разнообразные медийные программы призваны поддержать то, что, по меткому выражению С.М. Маркедонова, можно отнести к направлению «научного национализма»⁷.

1 Семененко 2018.

2 Mäliksoo 2018.

3 Касьянов, Г. Единый учебник истории ЕС и своя правда Восточной Европы.

4 Воронцов, В. День памяти «проклятых солдат» в Польше // Regnum. 4 марта 2019. [Электронный ресурс]. URL: <https://regnum.ru/news/polit/2584726.htm>. (дата обращения: 12.05.2022).

5 Латвия отмечает День поражения нацизма и памяти жертв Второй мировой войны // ТАСС. 8 мая 2017. [Электронный ресурс]. URL: <https://tass.ru/obschestvo/4238573>. (дата обращения: 12.05.2022).

6 День памяти жертв коммунистического геноцида в Латвии // Календарь праздников. [Электронный ресурс]. URL: <https://dailyevent.ru/latviya>. (дата обращения: 12.05.2022).

7 Маркедонов et al. 2020.

Акцент в политике памяти на преступлениях коммунистических режимов в странах ЦВЕ сопряжен с вытеснением из коллективной памяти роли СССР в победе над фашизмом. Эта политика дает результаты: все меньше европейцев считают советский вклад в победу ключевым, все больше склонны приписывать главную роль англо-американским союзникам¹.

Политика памяти и идентичности не менее активно используется лидерами ЦВЕ в геополитическом контексте как важный политический инструмент в обосновании своих претензий, в торге с руководством ЕС и с элитами стран «Старой Европы», как отмечает А.И. Миллер, чтобы добиться «преимуществ или компенсации за прежние несправедливости»². Политические лидеры этих стран чувствуют себя все уверенней и достигают успеха в противостоянии европейскими тяжеловесами по разным вопросам, а виктимизация превращается в политическую стратегию³.

Разнообразие исторических нарративов в современной Европе

Некоторые нарративы – как восточноевропейский, так и западноевропейский – находятся в прямом столкновении в отношении к войне. Д.В. Ефременко справедливо замечает, что новые члены ЕС способны «пересилить» старый европейский нарратив о Холокосте в политическом контексте, но в историческом это создает значительные коллизии и может провоцировать новые «войны памяти»⁴. Нет единого исторического нарратива в странах, переживших опыт фашизма и авторитаризма. Если в ФРГ этот нарратив был четко выстроен уже к началу 1990-х гг., то в Италии отсутствует однозначно негативное отношение к Муссолини и его политике. Кинематографическое воплощение молодого Муссолини А. Бандерасом («Его звали Бенито», 1993 г., режиссер Дж. Кальдерони) – лишь одна из иллюстраций такой неоднозначности, но весьма показательная.

«Говорят, что победители пишут историю, – замечает наблюдательный Ф. Тэйпун. – Это не значит, что проигравшие должны читать или помнить ее. Они расскажут своим детям, как все было на самом деле»⁵. «Современные сложно устроенные общества производят разную память об одних и тех же событиях, – констатирует исследователь политики памяти и символической политики О.Ю. Малинова. – При этом в отличие от истории, стремящейся к объективной реконструкции событий, коллективная память характеризуется принципиальной неполнотой и избирательностью»⁶. Исследователь объясняет особую остроту и болезненность споров об истории тем, что идентичности групп нередко опираются на разные мифы об одних и тех же исторических событиях, мнемонические конфликты воспринимаются особенно эмоционально и нередко с успехом используются для конструирования “другого” как “врага” и в целях негативной мобилизации»⁷.

Как уже отмечалось, не только Вторая, но и Первая мировая война оставила разные следы в памяти народов. В исторической и символической политике

1 Фадеева, Плотников 2019.

2 Политика памяти 2020, 10.

3 Malinova 2021.

4 Политика памяти 2020, 71–72.

5 Тароп 2012, 12.

6 Политика памяти 2020, 28.

7 Ibid., 31.

Венгрии память о Трианоне занимает значительно больше места, чем об участии страны во Второй мировой войне, которое оценивается неоднозначно¹. (Карты, на которых отражены территориальные потери Венгрии в XX в., напечатаны большими тиражами и представлены не только в музеях, но даже в пабах и общественном транспорте). В Австрии национальный музей – Дом истории Австрии – был открыт только в 2018 г., к 100-летию основания Первой республики. Выставка в честь открытия была названа «Отправление в неизвестность – Австрия с 1918 года» и призвана представить «противоречивый век австрийской истории».

Еще одно измерение коллективной памяти и политики памяти – постколониальное. Колониальное прошлое обычно характеризуют в политике памяти применительно к крупным империям – Британской или Французской. Однако исследователи считают, что оно имеет значение и для других стран и обществ. Так, анализируя «северную идентичность» скандинавских стран, они обнаружили постимперский синдром Швеции и Дании, память о подчиненном положении как части империи в Финляндии и Норвегии. Характерной особенностью *"Nordic Identity"* считают то, что «к своему общему прошлому сами скандинавы относятся с долей здорового критицизма и не пытаются сгладить или вычеркнуть из истории междоусобные войны, конфликты и периоды, когда одна из стран находилась под властью другой против своей воли»². В других случаях память о великом прошлом питает национальные чувства, гордость, подогревая претензии на более значимую роль сегодня. Это относится, например, к Литве, в которой история Великого княжества Литовского хорошо известна и почитаема: «Литовцы помнят, что Литва простиралась от Балтийского до Черного морей, молодежь знает эту историю и гордится ею»³. В поведении литовских политиков это тоже находит отражение.

Политика памяти оказывается секьюритизирована, когда «мнемонические бойцы» «настаивают не столько на том, что их нарратив полон и достоверен, сколько на своем праве считать так, а не иначе», – считает А.И. Миллер, рассказывая, в частности, и о своей профессиональной трансформации, которая выразилась в переходе от нормативного подхода к политике памяти к пониманию того, что настаивать на исторической достоверности равнозначно вступлению в войну интерпретаций и смыслов⁴. Участники дискуссии зачастую считают необходимым «защитить свою идентичность как основу дееспособности политического актора».

Политика идентичности: конкуренция интерпретаций и курсов

Выделяя «политику памяти как ключевое направление проводимой сегодня национальным государством политики идентичности»⁵, И.С. Семененко предлагает новое понимание категории «политика идентичности» как «деятельности субъектов политического процесса по формированию и поддержанию... макрополитической идентичности»⁶. Это существенно отличается от распространившейся благодаря

1 Rev 2018.

2 Berger 2016.

3 Тарон 2012, 66–71.

4 Политика памяти 2020, 10–35.

5 Семененко 2020, 16.

6 Идентичность 2017, 645.

американской традиции трактовки политики идентичности как борьбы социально ущемленных групп (расовых, гендерных, сексуальных) за свои права и идентичность. Члены этих групп, отстаивая свою идентичность, консолидируются в сообщества и настаивают на закреплении своей особой идентичности законодательно. В сфере этнонациональных отношений это нашло выражение в продвижении преференциальной политики и «позитивной дискриминации» (*affirmative action*)¹.

Начиная с 2012 г. в ЕС серьезные усилия затрачиваются для защиты сексуальных меньшинств и их идентичности². В ходе политических дебатов 2021 г. к числу фундаментальных ценностей, таких как равенство, уважение и толерантность, лидерами Европейского союза была отнесена защита прав сексуальных меньшинств. Новый план по защите сексуальных меньшинств состоит из четырех пунктов: «обуздание дискриминации», «укрепление безопасности» *LGBTIQ+*, «создание инклюзивного общества» (максимально комфортных условий для вовлечения секс-меньшинств в общественную жизнь) и «ведение этой борьбы за права *LGBTIQ+* во всем мире»³. Важным направлением такой политики является борьба против тех, кто не признает эти ценности в качестве европейских; прежде всего это относится к венгерским и польским политическим лидерам, которые ссылаются на значимость традиционных ценностей для сохранения национальной идентичности их стран и проводят политику, ограничивающую права *LGBTIQ+*, в особенности пропаганду их идентичности. И Польша, и Венгрия представляют себя в качестве современных крестоносцев, которые отстаивают христианские ценности в борьбе против нехристианских паттернов поведения *LGBTIQ+* европейцев, а также массового наплыва мигрантов, грозящих уничтожить европейскую идентичность⁴. Отметая упреки в том, что он тащит страну в темное средневековье, В. Орбан после триумфальной победы на парламентских выборах в апреле 2022 г. торжествующе заявил: «Мы одержали крупную победу. Ее видно даже с Луны, и точно – из Брюсселя. Христианские демократы, буржуазные консерваторы, патриотическая политика победили. Мы посылаем сообщение Европе, что это не прошлое, это будущее»⁵.

Такой политический курс скорее соответствует более широкой трактовке политики идентичности, которая используется в политическом дискурсе⁶, но востребована и политической наукой⁷. Тенденции последнего времени в осуществлении лидерами Европейского союза политики идентичности дают основания говорить, что она подвергается секьюритизации, подобно политике памяти, в силу их состязательности и высокой конкурентности. Секьюритизация полити-

1 Курилла 2021.

2 Дискриминация по признаку сексуальной ориентации и гендерной идентичности в Европе // Издательство Совета Европы. Март 2012. [Электронный ресурс]. URL: https://www.coe.int/t/Commissioner/Source/LGBT/LGBTStudy2011_Russian.pdf. (дата обращения: 18.07.2022).

3 *LGBTIQ+* обозначает включение в категорию сексуальных меньшинств квир-общности, а + предполагает возможное расширение категории. Именно такая аббревиатура используется сейчас в ЕС.

4 Традиционные ценности 2021.

5 Лакстыгал, И., Мишутин, Г. Как Виктор Орбан победил на выборах в Венгрии. Оппозиция не смогла найти столь же яркого лидера // Ведомости. 4 апреля 2022. [Электронный ресурс]. URL: <https://www.vedomosti.ru/politics/articles/2022/04/04/916519-kak-viktor-orban-pobedil>. (дата обращения: 17.05.2022).

6 Пташкина, Е. Конспект открытого интервью посла Европейского Союза в России // Европейский диалог. 2 ноября 2018. [Электронный ресурс]. URL: <http://www.eedialog.org/ru/2018/11/02/snob-konspekt-otkrytogo-intervyu-posla-evropejskogo-soyuza-v-rossii/>. (дата обращения: 17.05.2022)

7 Семененко 2016; Капицын 2018; Мchedлова, Казаринова 2020.

ки памяти объясняет ожесточенность полемики, переходящей в войны памяти (в последнее время и войны в отношении памятников). Секьюритизация политики идентичности проявляется в переводе представлений о ценностных основаниях политического сообщества в разряд категорий безопасности, а дискуссии о подобных основаниях – в политические дебаты об угрозах и необходимости борьбы против тех, кто эти угрозы создает. Конкурентность ценностных оснований политики идентичности проявляется как внутри стран – членов ЕС, так и между ними (в частности, заметный феномен представляют собой идентитаристы¹).

Секьюритизация идентичности трактуется в исследованиях, начиная с копенгагенской школы, как дискурсивный процесс, в котором актор делает заявление об угрозе со стороны значимого Другого. На наш взгляд, политика идентичности как политический курс, осуществляемый на уровне ЕС и включающий дискурсивные практики, подкрепленные политически, приобретает в качестве составных элементов определение ключевых угроз по отношению к коллективной идентичности, предложение вариантов реакции на такие угрозы. В таком случае политика идентичности переводит представления о ценностных основаниях политического сообщества в разряд категорий безопасности, а дискуссии о подобных основаниях – в политические дебаты об угрозах и необходимости борьбы против тех, кто эти угрозы создает².

Политика памяти и политика идентичности связаны и как аналитические категории, и как политические курсы. Политика памяти, проводимая Европейским союзом на наднациональном уровне, призвана была сформировать консолидирующие основания европейской идентичности. Европейский союз стал лабораторией исторического нарратива, в которой проводились эксперименты в отношении коллективной памяти.

Если вернуться к *memory studies*, к определению того, что и почему должны помнить, а что забыть современные европейцы, то ход этих экспериментов привел к тому, что помнить они должны о преступлениях тоталитарных режимов, рассматриваемых исключительно в качестве внешнего фактора европейской истории. Забыть же оказалось необходимо старый нарратив о победе антифашистской коалиции над странами Стаального пакта, поскольку совместить эти нарративы невозможно.

Секьюритизация политики памяти закономерно повлекла за собой и секьюритизацию политики идентичности со стороны лидеров ЕС, когда фокус делается на угрозах европейским ценностям со стороны внешних политических акторов и необходимости жестко противостоять таким угрозам. Однако не все ценности, провозглашаемые как общеевропейские, разделяются и внутри ЕС. Таким образом, вместо консолидации может нарастать напряжение, а сопряженные понятия оказываются воплощены в рассогласованных практиках.

1 Marion Jacquet-Vaillant, "An Identitarian Europe? Successes and Limits of the Diffusion of the French Identitarian Movement," *Illiberalism*, May 24, 2021, accessed June 14, 2022, <https://www.illiberalism.org/an-identitarian-europe-successes-and-limits-of-the-diffusion-of-the-french-identitarian-movement/?fbclid=IwAR1RGdLPe58aPAHBvO066g6fncgMa>.

2 Фадеева 2021.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ / REFERENCES

Ассман, А. Длинная тень прошлого: Мемориальная культура и историческая политика. – М.: Новое литературное обозрение, 2018.

Assmann, Aleida. *Shadows of Trauma: Memory and the Politics of Postwar Identity*. Moscow: New Literary Review, 2018 [In Russian].

Борозняк, А.И. Искупление. Нужен ли России германский опыт преодоления тоталитарного прошлого? – М.: Независимое издательство «Пик», 1999.

Boroznyak, Alexander I. *Iskuplenie. Nuzhen li Rossii germanskii opyt preodoleniya totalitarnogo proshlogo?* Moscow: Nezavisimoe izdatel'stvo «Pik», 1999 [In Russian].

Борозняк, А.И. Жестокая память. Нацистский рейх в восприятии немцев второй половины XX века и начала XXI века. – М.: Политическая энциклопедия, 2014.

Boroznyak, Alexander I. *Zhestokaya pamyat'. Natsistskii reikh v vospriyatii nemtsev vtoroi poloviny XX veka i nachala XXI veka*. Moscow: Politicheskaya entsiklopediya, 2014.

Васильев, А. Memory studies: единство парадигмы – многообразие объектов // Новое литературное обозрение. – 2012. – № 5 (117). – С. 461–480.

Vasiliev, Aleksey. "Memory Studies: Paradigm Unity – Object Variety". *New literary review*, no. 5 (117) (2012): 461–480 [In Russian].

Идентичность. Личность. Общество. Политика. Энциклопедическое издание. / под ред. И.С. Семененко. – М.: Весь мир, 2017.

Identichnost'. Lichnost'. Obshchestvo. Politika, edited by Irina S. Semenenko. Moscow: Ves' mir, 2017 [In Russian].

Историческая политика в XXI веке / Под ред. А. Миллера и М. Липман. – М.: Новое литературное обозрение, 2012.

Istoricheskaya politika v XXI veke, edited by Aleksey Miller, and Maria Lipman. Moscow: New Literary Review, 2012 [In Russian].

Котта, М. Европейская идентичность: вызовы современности // Идентичность. Личность. Общество. Политика. Энциклопедическое издание / под ред. И.С. Семененко. – М.: Весь мир, 2017. – С. 184–193.

Kotta, Maurizio. "Evropejskaya identichnost': vyzovy sovremennosti.". In *Identichnost'. Lichnost'. Obshchestvo. Politika*, edited by Irina S. Semenenko, 184–193. Moscow: Ves' mir, 2017 [In Russian].

Курилла, И.И. Битва за прошлое. Как политика меняет историю. – М.: Альпина Паблишер, 2021.

Kurilla, Ivan I. *Bitva za proshloe. Kak politika menyaet istoriyu*. Moscow: Al'pina Publisher, 2021 [In Russian].

Маколи, М. Историческая память и общество сограждан // Pro et Contra. – 2011. – Т. 15. – № 1–2 (51). – С. 134–149.

McAuley, Mary. "Historical Memory and the Community of Citizens." *Pro et Contra* 15, no. 1–2 (51) (January – April, 2011): 134–149 [In Russian].

Маркедонов, С.М., Шнирельман, В.А., Фадеева, Л.А., Граля, Х., Липман, М.А., Тесля, А.А. Дискуссия о книге «Политика памяти в современной России и странах Восточной Европы. Акторы, институты, нарративы» // Новое прошлое. – 2020. – Т. 3. – С. 256–302. <http://www.doi.org/10.18522/2500-3224-2020-3-256-302>.

Markedonov, Sergey M., Victor A. Shnirelman, Lyubov A. Fadeeva, Hieronim Grala, Maria A. Lipman, and Andrey A. Teslya. "Discussion of the Book 'The Politics of Memory in Contemporary Russia and Eastern

Europe. Actors, Institutes, Narratives." *The New Past*, no. 3 (2020): 256–302 [In Russian].

Мchedлова, М.М., Казаринова, Д.Б. Политика идентичности: конкуренция новых теоретических смыслов и политических стратегий // Политическая наука. – 2020. – № 4. – С. 13–35. <http://www.doi.org/10.31249/poln/2020.04.01>

Mchedlova, Maria. M., and Kazarinova Daria B. "The Identity Politics: Competition of New Theoretical Meanings and Political Strategies." *Political science*, no. 4 (2020): 13–35 [In Russian].

Обердорфф, А. Политическое становление Европы // Европейская интеграция: современное состояние и перспективы. – Минск, 2001.

Oberdorff, Henri. "Politicheskoe stanovlenie Evropy." In *Evropejskaya integratsiya: sovremennoe sostoyanie i perspektivy*. Minsk, 2001.

Политика памяти в современной России и странах Восточной Европы. Акторы, институты, нарративы: коллективная монография / под ред. А.И. Миллера, Д.В. Ефременко. – СПб.: Издательство Европейского университета в Санкт-Петербурге, 2020. – 632 с.

Politika Pamyati v Sovremennoj Rossii i Stranah Vostochnoj Evropy. Aktory, Instituty, Narrativy, edited by Aleksey I. Miller, and Dmitry V. Efremenko. St. Petersburg: EUSP Press, 2020 [In Russian].

Семененко, И.С. Прошлое на переднем крае политики идентичности // Мировая экономика и международные отношения. – 2018. – Т. 62. – № 11. – С. 65–76. <https://doi.org/10.20542/0131-2227-2018-62-11-65-76>.

Semenenko, Irina S. "History on the Frontline of Identity Politics." *World Economy and International Relations* 62, no. 11 (2018): 65–76 [In Russian].

Семененко, И.С. Политика идентичности и идентичность в политике: этнонациональные ракурсы, европейский контекст // Полис. Политические исследования. – 2016. – № 4. – С. 8–28. <https://doi.org/10.17976/jpps/2016.04.03>.

Semenenko, Irina S. "Identity Politics and Identities in Politics: Interethnic Perspectives in a European Context." *Polis. Political Studies*, no. 4 (2016): 8–28 [In Russian].

Семененко, И.С. Новые ракурсы политики идентичности: трудная память в музеях истории XX века // Мировая экономика и международные отношения. – 2020. – Т. 64. – № 5. – С. 6–32. <https://doi.org/10.20542/0131-2227-2020-64-5-16-32>.

Semenenko, Irina S. "New Dimensions of Identity Politics: Contested Memories in History Museums of the 20th Century." *World Economy and International Relations* 64, no. 5 (2020): 16–32 [In Russian].

Традиционные ценности в меняющемся мире: Северная Америка, Западная и Восточная Европа / гл. ред. Д.Б. Вершинина. – СПб.: Маматов, 2021. – 272 с.

Traditsionnye tsennosti v menyayushchemsya mire: Severnaya Amerika, Zapadnaya i Vostochnaya Evropa, edited by Daria. B. Vershinina. St. Petersburg: Mamatov, 2021 [In Russian].

Фадеева, Л.А. Современные вызовы политики идентичности в ЕС // Современная Европа. – 2021. – № 7. – с 18–26. <https://doi.org/10.15211/soveurope720211826>.

Fadeeva, Lyubov. "Contemporary Policy Challenges Identity in the EU." *Contemporary Europe*, no. 7 (December 31, 2021): 18–26 [In Russian]. <https://doi.org/10.15211/soveurope720211826>.

Фадеева, Л.А., Плотников, Д.С. Опыт мировых войн в политике идентичности и выстраивании стратегии безопасности // Региональные стратегии международной безопасности: Россия, ЕС и Ближний Восток. – М.: Научный консультант, 2019. – С. 213–238.

Fadeeva, Lyubov A., and Dmitry S. Plotnikov. "Опыт мировых войн в политике идентичности и выстраивании стратегии безопасности: Россия, ЕС и Ближний Восток." In *Regional'nye strategii mezhdunarodnoi bezopasnosti: Rossiya, ES i Blizhnii Vostok*, 213–238. Moscow: Nauchnyi konsultant, 2019 [In Russian].

Шерпер, Ю. Отношение к истории в Германии и Франции: проработка прошлого, историческая политика, политика памяти // Pro et Contra. – 2009. – Т. 13. – № 3–4 (46). – С. 89–108.

Scherer, Jutta. "Germany and France: Processing the past." *Pro et Contra* 13, no. 3–4 (46) (May – August, 2009): 89–108 [In Russian].

Berger, Stefan. "Nordic National Histories in Comparative European Perspective." *Historisk Tidsskrift* 95, no. 1 (April, 2016): 67–96. <https://doi.org/10.18261/issn.1504-2944-2016-01-04>

Bernhard, Michael, and Jan Kubik, eds. *Twenty Years after Communism: The Politics of Memory and Commemoration*. Oxford: Oxford University Press, 2014. <https://doi.org/10.1080/00905992.2016.1207308>

Cerutti, Furio, and Enno Rudolph, eds. *A Soul for Europe: On the Political and Cultural Identity of the Europeans*. Leuven: Peeters, 2001.

Eder, Klaus, and Sören Carlson. "Europe As a Narrative Laboratory. Klaus Eder on European Identity, Populist Stories, and the Acid Bath of Irony." *Culture, Practice & Europeanization*, 5, no. 1 (August, 2020): 102–117.

Erll, Astrid, and Ansgar Nünning, eds. *Cultural Memory Studies: An International and Interdisciplinary Handbook*. Berlin, New York: De Gruyter, 2008. <https://doi.org/10.1515/9783110207262>

Fadeeva, Liubov. "EU-Russia Cultural Relations and Identity Politics." In *The Routledge Handbook of EU-Russia Relations*, edited by Tatiana Romanova, Maxine David. Routledge, 2021. <https://doi.org/10.4324/9781351006262-33>

Giesen, Bernhard. *Triumph and Trauma*. Boulder: Paradigm Publishers. 2004.

Lähdesmäki, Tuuli, Luisa Passerini, Sigrid Kaasik-Krogerus, and Iris van Huis, eds. *Dissonant Heritages and Memories in Contemporary Europe*. Cham: Palgrave Macmillan, 2019. <https://doi.org/10.1007/978-3-030-11464-0>.

Lähdesmäki, Tuuli, Katja Mäkinen, Viktorija L. A. Čeginskas, and Sigrid Kaasik-Krogerus. *Europe from Below: Notions of Europe and the European among Participants in EU Cultural Initiatives*. Brill, 2021.

Malinova, Olga. "Politics of Memory and Nationalism." *Nationalities Papers* 49, no. 6 (November, 2021): 997–1007. <https://doi.org/10.1017/nps.2020.87>

Mälksoo, Maria. "A Baltic Struggle for a "European Memory": The Militant Mnemopolitics of The Soviet Story." *Journal of Genocide Research* 20, no. 4 (2018): 530–544. <https://doi.org/10.1080/14623528.2018.1522828>

Mälksoo, Maria. "The Memory Politics of Becoming European: The East European Subalterns and the Collective Memory of Europe." *European Journal of International Relations* 15, no. 4 (December, 2009): 653–680. <https://doi.org/10.1177%2F1354066109345049>

Müller, Jan-Werner, ed. *Memory and Power in Post-War Europe: Studies in the Presence of the Past*. Cambridge: Cambridge University Press, 2002. <https://doi.org/10.1017/CBO9780511491580>

Rév, István. "Liberty Square, Budapest: How Hungary Won the Second World War." *Journal of Genocide Research* 20, no. 4 (2018). <https://doi.org/10.1080/14623528.2018.1522820>

Spohn, Willfried, and Klaus Eder. *Collective Memory and European Identity*. London: Routledge, 2016. <https://doi.org/10.4324/9781315259956>.

Stoicheva, Maria. *European Identity. Theoretical Dilemmas and Analytical Approaches*. Sofia: Sofia University, 2016.

Tapon, Francis. *Hidden Europe: What Eastern Europeans Can Teach Us*. S.-F.: WonderLearn, 2012.

Yuval-Davis, Nira. *The Politics of Belonging. Intersectional Contestations*. London: Sage, 2011. <https://doi.org/10.4135/9781446251041>.

Сведения об авторе

Любовь Александровна Фадеева,

д.и.н., профессор кафедры политических наук историко-политологического факультета, Пермский государственный национальный исследовательский университет, 614990, город Пермь, ул. Букирева, 15.

e-mail: lafadeeva2007@yandex.ru

Дополнительная информация

Поступила в редакцию: 31 марта 2022.

Переработана: 30 апреля 2022.

Принята к публикации: 14 июня 2022.

Конфликт интересов

Автор заявляет об отсутствии потенциального конфликта интересов.

Цитирование

Фадеева, Л.А. Политика памяти и идентичности в Европейском союзе: сопряженные понятия, рассогласованные практики // Международная аналитика. – 2022. – Том 13 (3). – С. 79–93. <https://doi.org/10.46272/2587-8476-2022-13-3-79-93>

Memory and Identity Politics in the European Union: Related Concepts, Disparate Practices

ABSTRACT

The author characterizes memory politics and identity politics as analytical categories formed in a highly competitive field of meanings and interpretations. The methodological approach is social constructivism, which represents the mainstream in the study of memory and identity politics. However, the author considers it necessary to take into account the socio-cultural framework of actions performed by various actors that shape memory and identity. In addition, sharing the methodologically innovative approach advanced by I.S. Semenenko to the definition and analysis of identity politics, the author applies it to the object of her research. The article proposes using the concept of securitization to study not only the politics of memory, but also the identity politics pursued by the European Union. The shaping of a European identity on the basis of memory politics involves many problems, both supranational and national. This article deals primarily with supranational policy, but national discourses of memory and identity politics are also taken into account. In this context, the concepts per se, which have categorical conjugacy, turn out to be associated with courses characterized by considerable discord. The seemingly unshakable foundations of memory politics, established after World War II, are being challenged by the new member states of the European Union, shaping different practices of remembrance and forgetting. As a result, implying the possibility of different interpretations and harmonization of discourses, dialogical memory as the foundation of European identity is giving way to the securitization of memory politics and identity politics, which means their instrumental use to legitimize specific policies.

KEYWORDS

memory politics, collective memory, European identity, dialogic memory, securitization of memory politics

Author

Lyubov A. Fadeeva,

PhD in History, Professor at the Political Sciences Department, Faculty of History and Politics,
Perm State University, 614068, Perm, ul. Bukireva, 15.

e-mail: lafadeeva2007@yandex.ru

Additional information

Received: March, 31 2022. Revised: April 30, 2022. Accepted: June 14, 2022.

Disclosure statement

No potential conflict of interest was reported by the author.

For citation

Fadeeva, Lyubov A. "Memory and Identity Politics in the European Union: Related Concepts, Disparate Practices." *Journal of International Analytics* 13, no. 3 (2022): 79–93.
<https://doi.org/10.46272/2587-8476-2022-13-3-79-93>